

УДК 304.9

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И. КАНТА

Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: ivonin@ngs.ru, ivonina@ngs.ru

В статье анализируется проблема взаимосвязи внутренней и внешней политики государств в политической теории Канта. Изучены его внутриправовые («правового государства» и «республики») и внешнеполитические («всемирно-гражданского состояния публичной безопасности» и «вечного мира») проекты. Немецкий автор пересматривал и уточнял свою позицию, оставаясь неизменным в одном: международная безопасность и правовое государство соответствуют друг другу в эволюционной перспективе мировой политики. Ее норматив изменялся от признания «дилеммы безопасности» и «равновесия сил» к утверждению аксиологической значимости всеобщей безопасности государств.

Ключевые слова: международная безопасность, вечный мир, внешняя политика, внутренняя политика.

ISSUE OF INTERNATIONAL SECURITY IN KANT'S POLITICAL THEORY

Yu.P. Ivonin, O.I. Ivonina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: ivonin@ngs.ru, ivonina@ngs.ru

The article analyzes the issue of interrelation between domestic and foreign policy of states in Kant's political theory. His intra-legal («of a legal state» and «republic») and foreign policy («of a global civil status of public security» and «everlasting peace») projects are studied. The German author reconsidered and clarified his position, remaining intact in one thing: international security and legal state fit together in the evolutionary outlook of world policy. Its standard varied from recognition of «the security dilemma» and «balance of forces» to approval of axiological significance of global security of states.

Key words: international security, everlasting peace, foreign policy, domestic policy.

Проблема международной безопасности обсуждалась Кантом в двух контекстах: взаимосвязи внутренней и внешней политики и эволюции международных отношений как среды, где действует право.

Следуя логике естественно-правовой доктрины, Кант рассматривал государство в качестве продукта общественного договора. Национальная правовая система эволюционирует от господства несовершенного права, легитимирующего эгоистические притязания общественных групп и государственной власти, к господству строгого права, подчиняющегося категорическому правовому императиву, соединяющему индивидуальную свободу с правовым равенством. В развитом государстве защита прав более значима, чем иные мотивы государственной деятельности. По словам Канта, «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти» [4, с. 302].

Кант выделяет три ступени эволюции национальной правовой системы: 1. Отеческое правление (деспотизм). 2. Всеобщее правовое гражданское общество. 3. Республика. Первая из них безразлична к состоянию международных отношений, но уже правовое общество зависит от их состояния. Согласно Канту, пока существует внешняя опасность, государство не может перейти к более совершенному правовому устройству.

На стадии правового общества международные отношения выступают активным фактором развития национальной правовой системы. Политическая конструкция правового общества несет главный признак гоббсовского общественного договора – юридическую безответственность верховной власти. Как и Гоббс, Кант озабочен повсеместной склонностью власти к ограничению прав граждан и злоупотреблениям (относительно цели общественного договора). Как полагал мыслитель, «нельзя принимать в расчет моральный образ мыслей законодателя, т. е. рассчитывать на то, что он после происшедшего объединения беспорядочной толпы в народ предоставит ему теперь возможность осуществить правовое устройство через свою общую волю. Все это означает в конце концов следующее: тот, в чьих руках власть, не позволит, чтобы народ предписывал ему законы» [4, с. 291].

Постоянная конкуренция государств заставляет каждое из них развивать источники мощи, зависящие от индивидуальной свободы. Императив выживания заставляет правителей ограничивать свое властолюбие. По Канту, выживание государства зависит от роста просвещения (культуры) и предпринимательства. Ученый писал: «В настоящее время отношения между государствами столь сложны, что ни одно не может снизить внутреннюю культуру, не теряя в силе и влиянии по сравнению с другими... Далее, гражданскую свободу теперь так же нельзя сколько-нибудь значительно нарушить, не нанося ущерба всем отраслям хозяйства, особенно торговле, а тем самым не ослабляя сил государства в его внешних делах» [3, с. 19, 20]. Эти ресурсы государственной мощи имеют один источник – индивидуальную свободу. Поэтому заботясь о государственной мощи, суверен вынужден поддерживать и свободу лица. По утверждению Канта, «Эта свобода постепенно развивается. Когда препятствуют гражданину строить свое благополучие выбранным им способом, совместимым со свободой других, то лишают жизнеспособности все производство и тем самым опять-таки уменьшают силы целого. Вот почему все более решительно упраздняется ограничение личности в ее деятельности, а всеобщая свобода вероисповедания все более расширяется. Так постепенно, преодолевая заблуждения и иллюзии, возникает просвещение как великое благо, которое человеческий род извлекает даже из корыстолюбивого стремления своих повелителей к господству, когда они понимают свою собственную выгоду» [3, с. 20].

Всеобщее господство права в правовом государстве (в раннем политико-правовом проекте Канта) достигается двумя путями: а) правоприменительной практикой государства, противодействующей обоюдному эгоизму граждан и обеспечивающей их правомерное поведение; б) правовым самоограничением суверена, отказывающимся от части своих прерогатив ради субъективных прав граждан. Как полагал Кант, «каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распоряжался бы им в соответствии с законами» [3, с. 14]. Это

самоограничение носит вынужденный характер и поддерживается только постоянным международным давлением, т.е. страхом наказания.

Первоначальное развитие общественного договора внутри государства парадоксальным образом зависит от сохранения анархии в международных отношениях, т.е. от сохранения естественного состояния как противоположности общественного договора. В статье «Идея всеобщей истории...» внутренняя среда государства определяется внешними для нее международными отношениями. Кант, однако, пытается выйти из этого парадокса, утверждающего власть закона в обществе как продукт глобального беззакония. Связь «правовое государство» – «международная анархия» видится ему лишь временной и ненадежной конструкцией. Правовое государство всегда может пасть жертвой случайностей международной анархии. Согласно Канту, «Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена» [3, с. 15]. Парадокс преодолевается в эволюционной перспективе. Порядок и предсказуемость внутреннего устройства соединяется с порядком в международных отношениях.

На стадии правового государства вместе с ростом просвещения и рациональности осознается опасность и слабая результативность войн как инструментов внешней политики. Кант использует гоббсовский механизм дискредитации войн: рациональность является продуктом конфликта и затем стремится устранить свою собственную предпосылку. Однако, в отличие от Гоббса, немецкий ученый распространяет этот механизм и на международные отношения. Международное право отражает это состояние коллективного интеллекта. По мысли ученого, возникает коллективное осознание, что «сама война постепенно становится не только искусственной и по своему исходу для обеих сторон сомнительной, но – ввиду печальных последствий, которые государства ощущают от все растущего бремени долгов (новое изобретение), погашению которых нет конца, – рискованным предприятием» [3, с. 20].

Кант выделяет: а) идеальную модель международного права (проект «всемирно-гражданского состояния публичной безопасности» и «Вечного мира»); б) его эмпирическую модель, обобщающую текущее состояние правил международных отношений. И в том, и в другом случае Кант осознавал всю проблематичность использования концепта «международного права» применительно к естественному состоянию. Хотя Кант высоко оценивал войну как провиденциальный инструмент развития человечества, он полагал категорию «мира» важнейшей для международного права. Немецкий ученый считал, что для современных ему обществ война стала вынужденной мерой обеспечения мира. По мысли Канта, цель внешней политики государств – *равновесие сил*. Оно также входит в его первоначальную идеальную конструкцию всемирно-гражданского состояния публичной безопасности. Мыслитель считал, что путь к устойчивому миру включает достижение баланса сил. Их равновесие создает патовую ситуацию, единственным рациональным выходом из которого может быть только отказ от дальнейших международных конфликтов. Кант отмечал: «бедствия, отсюда вытекающие, заставляют наш род найти закон равновесия для само-

го по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, и создать объединенную власть для придания этому закону силы, стало быть, создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности. Это состояние таит в себе некоторую опасность: достигнув его, силы человечества могут быть ослаблены, однако в нем также действует принцип равенства их действия и противодействия, не позволяющий им разрушить друг друга [3, с. 17, 18]. Равновесие сил государств, с одной стороны, гарантирует устойчивый мир, а с другой – препятствует деградации человеческих способностей, неизбежной в условиях безопасности и спокойствия. Баланс сил содержит *аксиологические оправданные* предпосылки новой войны. Это означает, что концепту *вечного мира* в этой аргументации еще нет места.

Энтузиазм Канта по поводу эффективности баланса сил в международных отношениях постепенно слабел. Обзор внешней политики позволил ему сделать вывод, что доктрины международного права подчиняются прагматически-инструментальному разуму, позволяющему поиск односторонних преимуществ, если равновесие сил нарушено или может быть нарушено. Рост просвещения, действующий как фактор мира, может превратиться в фактор дополнительной военной мощи [2, с. 104]. Равновесие сил постоянно будет нарушаться, поскольку каждое государство вынуждено действовать в рамках гоббсовской «дилеммы безопасности». Мыслитель писал: «Человеческая природа нигде столь не достойна любви, как во взаимных отношениях между народами. В отношении своей самостоятельности или своей собственности никакое государство ни на одно мгновение не гарантировано от посягательств другого. Желание подчинить другого или ограничить его в том, что ему принадлежит, всегда налицо; и никогда нельзя уменьшить необходимые для защиты вооружения, которые делают мир часто еще более тяжелым... чем даже война» [2, с. 105]. Постоянно действующий механизм перераспределения мощи между государствами делает надежду на равновесие сил неосновательной. Кант отмечал: «продолжительный всеобщий мир, достигаемый так называемым равновесием европейских держав, есть чистейшая химера подобно дому Свифта, который был построен с таким строгим соблюдением всех законов равновесия, что тотчас рухнул, как только на него сел воробей» [2, с. 107]. Дилемма безопасности создает изощренный вид агрессивных войн, оснащенных пацифистской риторикой – превентивные войны против усиливающегося потенциального противника. Войны все чаще ведутся ради предотвращения более тяжелых войн. Ученый констатировал, что сам рост потенциала государства несет угрозу другим участникам международных отношений и создает право восстановить нарушенное равновесие путем нападения: «и в естественном состоянии подобное нападение во всяком случае правомерно. На этом, следовательно, покоится право равновесия всех активно соприкасающихся друг с другом государств» [5, с. 274]. Эта агрессивная война не может считаться незаконной. Кант вообще считал бессмысленным словосочетание «несправедливый враг» применительно к «естественному состоянию» в международных отношениях.

Международное право в этой ситуации оказывается инструментом снижения рисков неудачной войны. Поскольку от такого исхода не застрахо-

ван никто, государства придерживаются норм обычного международного права как *jus ad bellum* и *jus in bello*. Автор отмечал: «и во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum infernecinum*). Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (когда нет никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона)» [4, с. 263].

Привычка к сдержанности в военных действиях и их нормированию в сочетании с признанием войны неэффективным институтом создают объективные факторы устойчивого мира как правового состояния. Среди различных противонаправленных тенденций в международных отношениях эта видится Канту ведущей. Он писал: «На примере действительно существующих, но еще очень несовершенно организованных государств можно видеть, как во внешних сношениях они уже приближаются к тому, что предписывает идея права, хотя, конечно, причина этому не глубокая моральность (как и не от моральности надо ожидать хорошего государственного устройства, а, скорее, наоборот, от последнего – хорошего морального воспитания народа)» [4, с. 286]. Таким образом, делает вывод ученый, «природа неодолимо хочет, чтобы право получило в конце концов верховную власть. То, что в этом отношении не сделано, совершится в конце концов само собой, хотя и с большими трудностями» [4, с. 286].

Кант приложил значительные усилия для обоснования возможности мира «по ту сторону» равновесия сил. Идеальная модель международного права – проект «Вечного мира» – включает *jus in bello* в качестве своего предварительного условия. Мир возможен, если стороны конфликта не попали в эскалационную ловушку. При этом «право войны» утрачивает прежний прагматически-инструментальный контекст. Первая предварительная статья вечного мира требует для участников заканчивающегося конфликта отказаться от легитимации поводов к возобновлению войны. Итоги конфликта должны мыслиться окончательными и не подлежащими пересмотру по соображениям их несправедливости. Иными словами, «все возможные притязания, существовавшие до заключения мира, безоговорочно считаются погашенными ... Мир можно мыслить только как безусловный» [1, с. 92]. Тем самым, соблюдение *jus in bello* блокирует возможность применения *jus ad bellum* в будущем. Германский исследователь правовой концепции Канта полагал, что прелиминарные статьи «Вечного мира» требуют далеко идущих следствий из признания *status quo*. Согласно Г. Гайзману, «принципы, вытекающие из идеи предварительного договора, говорят, что государства (народы) имеют безусловную обязанность, принимая во внимание длительный мир, который еще только следует учредить в будущем, уже сегодня (либо тотчас же, либо мало-помалу) создавать необходимые для этого предпосылки; стало быть, например, безоговорочно и непоколебимо быть готовым к переговорам о разоружении и другого рода «политике разрядки» [1, с. 99].

Отказ от прагматически-инструментального применения международного права, т.е. сложной военно-политической игры государств не приведет к угрозе безопасности в том случае, если национальная правовая система приобретет новое качество, «республиканское». Республика, уточняет Кант,

не форма правления, а, скорее, политико-правовой режим разделения ветвей власти, формального правового равенства и минимальным избирательным цензом. Согласно афоризму ученого, «чем меньше персонал государственной власти (число лиц, обладающих властью) и чем шире, напротив, ее представительство, тем более государственное устройство согласуется с возможностью республиканизма» [4, с. 270]. В республике впервые возникает правовая связанность суверена (что отрицалось Кантом ранее), приходящая на смену самоограничению суверена.

Верховенство права внутри государства не зависит от давления международной среды. Правовопорядок приобрел устойчивость. На этой стадии эволюции национальная правовая система из объекта международного воздействия сама становится фактором создания благоприятной международной среды. Повседневное соотношение внутренней и внешней политики в работе «К вечному миру» меняется. Международная среда в каждый конкретный момент, скорее, негативный фактор внутреннего развития, сдерживающий, а не поощряющий. Ученый отмечал: «от государства нельзя требовать, чтобы оно отказалось от своего, хотя бы и деспотического, устройства (более сильного, однако, по отношению к внешним врагам) до тех пор, пока ему грозит опасность быть немедленно поглощенным другими государствами. Следовательно, при таком положении должно быть дозволено замедленное осуществление нового устройства до более благоприятных времен» [4, с. 293]. Вместе с тем сохраняется фундаментальный тезис кантовской политической философии о соответствии внутренней и внешней политики в эволюционной перспективе. Известные английские авторы Г. Вильямс и К. Бут отмечали эту особенность кантовской политической философии: «Практический политико-правовой режим, который предоставит постоянный мир, может быть построен только на моральном фундаменте глобальной этической общности, возможность которой заключается в игре между разумом и природой в развертывающейся всемирной истории» [6, с. 92].

Республика – это система господства чистого права согласно категорическому правовому императиву. Беспристрастное правовое равенство вытесняет явные и скрытые преференции позитивного права. Через республиканский режим категорический правовой императив проникает в международное право. Реорганизация национального права на основе республиканского режима выделена Кантом в виде первой окончательной статьи международного договора о вечном мире. Автор настаивал: «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [4, с. 267]. В республике внешняя политика государства хотя бы частично ставится под контроль граждан. Установлению такого контроля способствует малая эффективность профессиональной, «кабинетной политики». Кант приветствовал «вторжение масс» в политику. От массового участия в политике он ожидал ее рационализации или хотя бы осмотрительности. Ученый писал о необходимости порядка, «чтобы каждое государство имело такую внутреннюю организацию, при которой решающий голос по вопросу о том, быть или не быть войне, принадлежал бы не главе государства, которому война, собственно, ничего не стоит (так как он ведет ее на сред-

ства другого, а именно народа), а народу, за счет которого она и ведется» [2, с. 104].

Состояние международных отношений, предусматриваемой идеальной моделью международного права, исключает правовой институт войны. Ученый провозглашал: «Итак, морально практический разум произносит в нас свое неотменимое veto: никакой войны не должно быть; ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами, которые внутренне хотя и находятся в законном состоянии, но внешне (во взаимоотношениях) – в состоянии беззакония», иными словами, «Можно сказать, что установление всеобщего и постоянного мира составляет не просто часть, а всю конечную цель учения о праве» [5, с. 282].

Однако реализация правовых гарантий мира означает самоупрежнение международного права. Выход из естественного состояния международных отношений достигается лишь за счет объединения всех государственных образований в единое государство, «мировую республику». Правила международного общения замещаются нормами национальной правовой системы. Кант писал: «В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) государство народов (*civitas gentium*), которое в конце концов охватит все народы земли» [4, с. 275]. Иными словами, «Люди и государства, находясь между собой во внешних взаимовлияющих отношениях, должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства» [4, с. 266].

Мировая республика оказывается аналогом общественного договора, который заключается уже не индивидами, а объединяющими их государствами. Этот вторичный общественный договор ликвидирует независимость международных субъектов и создает наднациональную власть. Однако эта логичная схема не применяется в идеальной модели международного права. Вместо нее используется компромисс устойчивого мира и сохранения «естественного состояния» в международных отношениях, названный им «мирным союзом народов». Кант с огорчением назвал свою компромиссную схему «суррогатом» мировой республики. Идеальный компромисс можно объяснить следующими обстоятельствами.

Во-первых, Кант испытывал недоверие к правовому потенциалу больших государств. Они тяготели к деспотизму. Гипотетическое объединение народов под властью государства-гегемона было окончательным, необратимым правовым регрессом. Мыслитель отмечал: «Идея международного права предполагает раздельное существование многих соседних государств, независимых друг от друга. Несмотря на то что такое состояние само по себе уже есть состояние войны (если федеративное объединение государств не предотвращает возникновения военных действий), все же оно, согласно идее разума, лучше, чем слияние государств в единую державу, превосходящую другие и переходящую во всеобщую монархию, так как с увеличением сферы правления законы все более и более теряют свою силу и бездушный деспотизм, искоренив зачатки добра, в конце концов превращается в анар-

хию» [4, с. 286, 287]. Гарантий от регресса к деспотизму не дает и республика, хотя этот режим и видится Канту устойчивым. Опасности большого государства ослабляют преимущества республики. Согласно утверждению автора, «так как при очень большом расширении такого государства народов, охватывающего самые отдаленные уголки земли, управление этим государством, а стало быть, и защита каждого отдельного его члена должны в конце концов стать невозможными, а многочисленность подобных объединений опять-таки приводит к состоянию войны, то вечный мир (конечная цель всего международного права) есть, разумеется, неосуществимая идея» [5, с. 278]. В этой ситуации реалистичным ему видится сохранение множественности международных субъектов на фоне упорядочивания конвенциональных норм международного общения. По мнению Канта, «если такое состояние всеобщего мира с точки зрения свободы более опасно, потому что оно приводит к самому ужасному деспотизму (как это не раз случалось с чрезмерно большими государствами), перейти к такому состоянию, которое хотя и не будет общностью граждан мира, объединенных под властью одного главы, но будет правовым состоянием федерации, основанной на общесогласованном международном праве» [2, с. 103].

Во-вторых, Кант учитывал состояние коллективного правосознания, признающего ценность мира, но не желающего устранения национального суверенитета. Ученый понимал противоречие между устойчивым миром и множественностью независимых государств. Мир между ними может быть основан «на суррогате гражданского общественного союза, а именно на свободном федерализме, который разум должен необходимо связать с понятием международного права, если вообще это понятие имеет какой-либо смысл» [4, с. 274, 275]. Таким образом, союз народов должен существовать как международно-правовой договор, а не государственное образование. Для Канта, «этот союз должен быть не суверенной властью (как в гражданском устройстве), а лишь товариществом (федерацией), союзом, который в любое время может быть расторгнут» [1, с. 271]. Указанный союз не располагает органами наднационального управления и публичными законами, обязательными для его участников. Законосообразность внутривнутриполитического устройства до известной степени компенсирует дефицит наднациональной власти. Кант отмечал, что «Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиниться публичным законам и их принуждению» [4, с. 274].

Место мировой республики в идеальной модели международного права занимает «союз народов». Эта конструкция ослабляет гарантии мира ради защиты свободы лица в национальной правовой системе. По Канту, «не положительная идея мировой республики, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза, отвергающего войны, существующего и постоянно расширяющегося, может сдерживать поток враждебных праву и человеку склонностей при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления» [4, с. 275].

«Союз народов» первоначально понимался как международно-правовой договор о ненападении, в котором исчезает необходимость в военно-дипломатическом равновесии государств. Режим всеобщей безопасности делает избыточным накопление мощи, и в этом смысле малые государства и великие державы будут находиться в равной безопасности. Кант предлагает «вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов (*foedus Amphictyonum*), от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли» [3, с. 15, 16]. В поздних произведениях всеобщая безопасность уступает место более ограниченной конструкции коллективной безопасности, когда союз народов рассматривается в виде оборонительного альянса, обеспечивающего «право на взаимное объединение (федерацию) ряда государств для совместной защиты от любых внешних или внутренних возможных нападений, но не на объединение для нападения или внутренних завоеваний» [5, с. 276].

Можно сделать вывод, что в проекте Канта союз народов как гарант мира страдает неустранимым дефектом: он сохраняет дремлющим формальное основание войны – государственный суверенитет. Однако Кант часто высказывался с большим энтузиазмом по поводу мироподдерживающей эффективности этого союза. Например, он писал: «только в общем союзе государств (аналогичном союзу, благодаря которому народ становится государством) это право может стать окончательно действительным и истинным состоянием мира» [4, с. 277, 278]. По-видимому, мыслитель полагал, что в союзе народов материальные предпосылки войны отсутствуют. На самом деле его категорический запрет на *jus ad bellum* не столь уж абсолютен. В работах Канта тщательно оговаривается запрет на гипотетическую войну, которая могла бы быть объявлена не из прагматических соображений, а из правовых и альтруистических побуждений. С его точки зрения, передовые республиканские государства не должны вмешиваться во внутренние дела «деспотий» для перехода в более совершенное правовое состояние. В концепции Канта анонимного давления внешней среды достаточно, чтобы национальная правовая система развивалась. Институционально организованное давление для этого будет избыточным и неоправданным. Соппротивление такому давлению получает поддержку немецкого мыслителя, поскольку даже несовершенные «Государства располагают уже внутренним правовым устройством и не позволяют, чтобы другие государства могли по своим правовым понятиям принудить их принять более развитое правовое устройство» [4, с. 273, 274]. В этом заявлении Канта нетрудно заметить осуждение «прогрессорских» войн революционной Франции. Однако мыслитель широко открывает двери для всевозможных «гуманитарных интервенций» в зоне традиционных обществ. Анархия в межгосударственных отношениях не исключает хотя бы временного мира. Безгосударственные общности не позволяют своим соседям даже призрачных гарантий безопасности. Самим фактом своего существования такие народы угрожают существованию цивилизованных сообществ, даже не совершая никаких враждебных действий. Немецкий автор писал: «Человек же (или на-

род) в естественном состоянии лишает меня этой гарантии и, живя рядом со мной, нарушает мое право уже самим этим состоянием, если не делом (*facto*), то незаконностью своего состояния (*statu iniusto*): этой незаконностью он постоянно угрожает мне, и я могу принудить его или вступить вместе со мной в общественно-правовое состояние, или же избавить меня от его соседства» [4, с. 266]. Он создает какое-то *quasi-jus ad bellum*. Кант допускает возможность тотального уничтожения народов, не достигших состояния «общественного договора». Если для цивилизованных народов он запрещает «истребительные» и «карательные» войны, то для всех иных сообществ гуманные ограничения отменяются. В рассуждениях Канта об угрозе международной безопасности, исходящей из зоны вне «общественного договора», ощутимо доктринальное лицемерие и расистский контекст. Кантовское безусловное осуждение революции как «несправедливости» сочетается с запретом иностранной интервенции для восстановления легитимного *ancient regime*. Автор писал: «если бы даже бурей революции, вызванной дурным устройством, было бы неправомерно достигнуто более законосообразное устройство, то и тогда нельзя считать дозволенным вернуть народ к прежнему устройству, хотя при этом устройстве каждый, кто прибегал к насилию или коварству, по праву мог бы быть наказан как мятежник» [4, с. 293]. С точки зрения доктрины, и революционеры, и дикари, не ведающие *contract social*, равно находятся в естественном состоянии¹. Но революционеров трогать нельзя, а дикарей можно истребить. Идеи Канта попали в *mainstream* европейской политики безопасности. Начатое вскоре после смерти мыслителя французское вторжение в Алжир разворачивалось как «контртеррористическое» и «антипиратское». Таким образом, верховенство международного права в концепции международных отношений Канта сочеталось с умонастроением «военного гуманизма».

Литература

1. Гайзман Г. Свобода и право: Политическая философия Канта и современность. Нижневартовск: Изд-во Нижневартов. пед. ин-та, 2003.
2. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1963–1966.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1963–1966.
4. Кант И. К вечному миру // Соч. в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1963–1966.
5. Кант И. Метафизика нравов. В 2-х ч. // Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1963–1966.
6. Howard Williams, and Ken Booth. Kant: theorist beyond limits // Classical Theories of International Relations. St. Antony's College, Oxford; Macmillan Press Ltd, London, 1996.

¹ Кант признавал, что перед созданием «более законосообразного устройства» во время революции происходит разрушение «общественного договора». С его точки зрения, «добиваясь таким способом своего права, народ совершает величайшую несправедливость, ибо этот способ (если его принять в качестве максимы) делает ненадежным всякое правовое устройство и приводит к состоянию полного отсутствия законности (*status naturalis*), где всякое право по меньшей мере перестает иметь действие» [2, с. 92].

Bibliography

1. *Gajzman G.* Svoboda i pravo: Politicheskaja filosofija Kanta i sovremennost'. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartov. ped. in-ta, 2003.
2. *Kant I.* O pogovorkе «Mozhet byt', jeto i verno v teorii, no ne goditsja dlja praktiki» // Soch. v 6 t. V. 4. Ch. 2. M.: Mysl', 1963–1966.
3. *Kant I.* Ideja vseobshhej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane // Soch. v 6 t. V. 6. M.: Mysl', 1963–1966.
4. *Kant I.* K vechnomu miru // Soch. v 6 t. V. 6. M.: Mysl', 1963–1966.
5. *Kant I.* Metafizika nravov. V 2-h ch. // Soch. v 6 t. V. 4. Ch. 2. M.: Mysl', 1963–1966.
6. *Howard Williams and Ken Booth.* Kant: theorist beyond limits // Classical Theories of International Relations. St. Antony's College, Oxford; Macmillan Press Ltd, London, 1996.